

Осенью 2000-го года в Иркутске на празднике русской духовности и культуры «Сияние России» побывал ректор Московского Литературного института им. Горького прозаик Сергей Есин. Он встретился с пишущей молодежью и загорелся идеей создать в Иркутске нечто вроде филиала своего вуза – творческие семинары студентов-заочников по прозе и поэзии. Проект для института престижный: «школа» Распутина в его родном городе!

К тому времени у Валентина Григорьевича ухудшилось зрение, да и общее состояние здоровья не радовало. Но он согласился заниматься с молодыми одарёнными земляками. От институтской зарплаты наотрез отказался...

Что касалось набора студентов, то мы не сомневались, что в Иркутске и области найдётся немало способных ребят и девочек. Каждые два с половиной года писательская организация проводила конференцию начинающих авторов. Только в последних трех участвовало несколько десятков молодых прозаиков, поэтов, драматургов.

Оставалась одна проблема: будущие студенты-заочники едва ли смогли бы дважды в год приезжать в Москву на экзаменационные сессии. Чтобы добираться с берегов Ангары до столицы и жить здесь каждый раз в течение месяца – едва ли бы кто-нибудь из ребят нашёл для этого деньги. Без помощи властей проект был обречён.

Во время приёма губернатором Борисом Говориным московских гостей праздника мы, Распутин, Есин и я, председатель писательской организации, обратились к нему за помощью. Борис Александрович, мгновенно ухватив суть, ответил:

– У нас есть программа подготовки кадров для учреждений искусства области. За счёт бюджета мы учим ребят в театральных, художественных, музыкальных вузах. А почему нельзя прибавить к этому списку Литературный институт?

После возвращения в Москву Сергей Николаевич прислал мне письмо, в котором предлагал: «Учитывая сложное состояние здоровья Валентина Григорьевича, я отчетливо понял еще в Иркутске, что этот литературный семинар Вам надо вести с ним вместе».

Творческий конкурс в Литинститут всегда был высоким: десятки человек на одно место. Пришлось прочитать множество рукописей, чтобы выбрать достойных абитуриентов. Подготовительная работа, которая шла не только в Иркутске, но и в близлежащих районах и городах. К сентябрю следующего, 2001, года мы набрали группу одаренных ребят – прозаиков. С ними начал заниматься Валентин Григорьевич. А через год появился и семинар молодых поэтов, который выпало вести мне. Я вел все организационные дела и обязательно присутствовал на творческих обсуждениях в семинаре прозы.

Учительский дар Распутина никогда не освещался в печати. А вместе с его художественным даром он приобретает особую привлекательность и ценность. Именно поэтому хочу привести несколько размышлений и советов Валентина Григорьевича своим подопечным (записи сделаны на занятиях).

Обсуждение рассказов «Черепашка» и «Времяшло, считала кукушка» Владимира Мешкова и «Белые палаты» Александра Турханова. Все рассказы напечатаны в журнале «Москва» в 2001 году.

Владимир Мешков пояснил, что не очень доволен журнальной публикацией. Дело в том, что первый из них написан давно и теперь кажется ему несколько наивным. Второй – «посвежее», но и этот, написанный на сходную, любовную тему и потому, видимо, напечатанный редакцией «в связке» с первым, уже не удовлетворяет его. Сокурсники Владимира, высказываясь о рассказах, разделили мнение автора.

Валентин Григорьевич начал разговор с того, что такие рассказы о любви пишут обычно авторы юные, неопытные. «Я так и понял, что вы предложили журналу свои ранние, может быть, даже первые рассказы, – сказал Распутин. – Зрелый автор не имеет права писать такие художественно несостоятельные вещи. Особенно о любви».

Он подробно говорил о глубине постижения писателем обыкновенной, будничной жизни. О том, что в любви человеческий характер проявляется, как никогда, обнаженно и полно. Тема эта дает возможность писателю обозначить свою нравственную позицию, высказать много сокровенного.

Студенты во время обсуждения вспоминали рассказы самого Распутина «Рудольфо», «Встреча», «Василий и Василиса», написанные им в молодости, соотнесли с ними новеллы Владимира Мешкова. Невольно сравнивали, потому что незадолго перед этим у нас была беседа о распутинских рассказах, и мы, по общему согласию, включили разговор о них в план учебного года.

В следующий раз предметом жаркой дискуссии семинаристов стала повесть Майи Новик «Жена Омеги». Рассказ в ней велся от лица героини, молодой продавщицы в уличном ларьке. Ребята, как и раньше, высказывались откровенно.

Владимир Мешков:

«Повесть любопытна. В ней правдивый взгляд на то, что происходит за металлическими стенками бесчисленных ларьков, загромоздивших улицы городов

и сел. Для многих из нас это совершенно неизвестная жизнь. Мы не обращаем внимание, почему около таких магазинчиков снуют бритоголовые парни, почему «комки», как в народе называют ларьки, то разбиваются, то поджигаются. Молодая героиня попадает в продавцы потому, что ей некуда деться, надо зарабатывать на хлеб. А потом работа и среда засасывают её. Случайно избранный путь уже не позволяет прийти к достойной жизни».

Михаил Прокопьев:

«У Майи плотная проза. Она напомнила мне рассказ Астафьева “Людочка”. По жесткости письма. Автор логически выверенно ведет повествование, каждый эпизод “смотрится” в общей картине. Конечно, есть огрехи, особенно в языке. Это наша общая неряшливость».

Александр Турханов:

«Когда я читал повесть, я постоянно отмечал стертые, “замыленные” фразы, из которых состоит обыденная речь, то сленговые, засорившие нынешний язык. Какая же это художественная речь? Можно ли таким языком нарисовать человека, картину? Прием – вести повествование от лица героя – очень распространен в литературе. Классики часто пользовались им. Но это не значит, что рассказ должен вестись дремучим языком, быть стилизованным под некий язык “простого” человека».

Как обычно, возможность высказаться получил каждый студент. Распутин выслушал всех внимательно, никого не перебивал. И завершил обсуждение так:

«Разговор требуется серьезный. Майя не первая окунулась в “чернуху”. Существует целая литература, десятки авторов представляют её. И читателя уже не надо брать за ухо и вести к такой литературе. Он сам бежит к ней. “Тьма низких истин” оказалась интересней и ближе такому читателю.

Майя ничего не преувеличивает. Есть такая жизнь, которую она в подробностях описывает. Но может ли быть такая литература? Вот вопрос. Спор идет давно. И, кажется, побеждают апологеты “чернухи”.

У такой литературы не может быть художественного языка. Здесь кто-то сказал, что это стилизация под язык героини. Нет, это язык автора: “Я не могла узнать о мужчинах в положительном смысле...”, “В какой-то момент времени...”, “Я, как говорится, не прониклась...”, “Отличалась большой стабильностью...”, “Ломакин в корне пресек...”, “На идею прогулки подтолкнула...”. Где же вкус автора?

Я не сомневаюсь, что вы будете писать книги, издаваться. Но какая польза от таких книг? Может быть, писателю нужен “нас возвышающий обман”?

Перо у вас бойкое. Суть ухватывается точно: “со знанием дела” описывается, как парни на пикнике увели в сторону девушку и распяли её. Но надо ли о жизни писать так жестоко и так грязно, как пишут мастера “чернухи”? У вас героиня, намаявшись в жизни, идет к колдунье. Не в церковь, а к колдунье. Она выбирает сатанинский путь. И позже, когда устраивается в газету журналистом, решается написать именно о сатанистах. Нравственных правил, христианской морали нет ни у героини, ни у автора. Сейчас молодежь правильно делает, что выбрасывает книги Сорокина в мусорные контейнеры. Такие авторы, как Сорокин, бросают вызов даже той “сниженной” морали, с которой мы живем теперь. Поймите, литература такого рода страшнее, чем наркотик.

Мы окунулись в грязную яму – и что же, выйдем из неё чистыми? В повести есть строки о том, что героиня ненавидит всех – и богатых, и бедных, и себя в том числе. И в самом деле, беспросветная жизнь под слепым пером в литературе подводит к ненависти. А ненависть не просто дело жестокое, это дело окончательное.

Задумайтесь о серьезности писательского пути. Ничего не изменит учеба, если художественное мышление такое, как у авторов модных чернушных книг. Идет спор разных литератур. К какой литературе вы склоняетесь? Вопрос принципиальный. И ответ должен быть честным».

Ещё одно обсуждение – на этот раз рассказов Вадима Рудакова. Чтобы объяснить особенность их тематики, следует сказать, что автор – выпускник театрального училища, актер. Студентка Светлана Шегебаева, по-моему, наиболее точно оценила его пробы пера:

«Из трех рассказов мне кажутся состоявшимися два: “Солнце в конверте” и “Никодимыч”. Сюжет первого вроде бы простой. Молодой фотохудожник знакомится с опытным мастером. Но их разговоры о свете и тени, их поступки рожают художественную метафору: вся жизнь человека, жизнь его души – это борьба или существование света и тени. Другой рассказ продолжает эту тему. У меня не возникло вопроса, почему старый актер Никодимыч начал “светиться” на сцене. Пусть это художественный вымысел, но он кажется достоверным. Актер впервые получил роль героя, который душевно близок ему, и сила творчества, вдохновение творят чудеса».

Валентин Григорьевич поддержал эту мысль:

«Помните, мы обсуждали повесть о жестокости нынешней жизни. Автор говорил о них жестким тоном. А Вадим поступает по-другому. Он ищет, чем можно спастись. Верит в чудо мальчик из рассказа “Поплавок”, сохраняет веру в силу искусства старый мастер из рассказа “Солнце в конверте”. Найти опоры для пошатнувшейся нравственности – мне такая позиция ближе. И пусть что-то придумано, в художественном произведении это допустимо. Важна чистота. Чистые люди, слава богу, ещё не перевелись, их замечает, о них пишет Вадим».

Всегда особый разговор вел Распутин о языке студенческих работ. Одного молодого автора он убеждал:

– Посмотрите, какие «информационные», холодные, часто случайные слова вы подбираете. А ведь речь идет о человеке мучающемся. Найдите слова теплые, сердечные. Герой – это родной вам человек, вы знаете о нём всё, так и расскажите о своём герое с душевным волнением, с любовью.

В другой раз разговор зашёл о повести студентки. Девушка рассказывала о юной героине, которая узнаёт о своей смертельной болезни и мучительно ищет выход. Денег на лечение у её родителей нет. События в повести происходят на фоне нищеты, в которую погрузилась страна в девяностые годы. Безысходность людей, их бесправность автор описывала по-газетному прямолинейно и сухо. Валентин Григорьевич терпеливо объяснял:

– Вы же не статью пишете, а повесть. Посмотрите на жизнь глазами не провинциального журналиста, привыкшего к языковым штампам, а оглушенной страшным диагнозом, обречённой на гибель сверстницы. Она найдёт слова особенные, пусть наспех обдуманные, горячечные, но зато собственные, незаёмные. Их продиктует сама беда.

Не однажды на занятиях семинара звучало наставление мастера: «Пишите мягким пером. Герой должен говорить естественно, так, как он привык, а автор – живописно, с изюминкой».

Возможно, далее к месту будет привести строки из нашей переписки с С. Есиным. В одном из писем, рассказав о наших занятиях, я добавил: «Зимой, во время экзаменационной сессии, Валентин Григорьевич, возможно, встретится со своими подопечными в Москве, если обстоятельства позволят сделать это. А во второй половине марта он вернется в Иркутск и продолжит свои занятия с ребятами здесь».

Сергей Николаевич ответил:

«Меня очень порадовало, что Валентин Григорьевич так деятельно помогает нашему общему проекту. Я думаю, это пойдет на пользу и ему, и уж точно пойдет на пользу студентам и литературе.

Если в феврале Валентин Григорьевич сможет встретиться со своими ребятами в Москве – это хорошо. В этом случае мы позовем на встречу и мой семинар, да и весь институт. В моем семинаре он уже был и на всех произвел огромное впечатление».

Однажды Валентин Григорьевич обмолвился:

«...творческий акт есть исхождение из себя, чудесное перевоплощение, песнь души». Это точное замечание многое поясняет и в беседах Распутина с молодыми авторами, и в творческом наследии самого писателя. Почему Анна и Дарья, Мария и Настёна, Пашута и Тамара Ивановна, Иван Петрович и Стас Николаевич нарисованы именно так, как в его повестях и рассказах, почему – такие разные – они согласно и привычно сохраняют в душе особенный свет? Не есть ли их внутренний мир отражение душевного мира создателя повестей и рассказов, населённых этими героями? Конечно, да. Потому-то любимые герои распутинских книг стали притягательными и родными для читателей, что они исторгнуты из жизни благодаря памятливому сердцу автора, призывному звучанию их голосов и согревающему теплу их жизни. Прозаик вправе сказать, что, рисуя их, он безотрывно глядел в свою душу. Без этого «исхождения из себя» характеры его героев были бы очерчены неточно, поступки, переживания, судьбоносные решения переданы искажённо. «Чудесное перевоплощение» в героя может состояться только тогда, когда он окажется близок и любим, когда он воплотит в себе то лучшее, что есть в тебе, и, возможно, то худшее, что ты стремишься изжить...

В последующие два года после начала занятий двух групп мы пополняли их. В итоге в двух семинарах через пять лет учебы дипломы об окончании института получили восемнадцать человек – семь прозаиков и одиннадцать поэтов. Уже через три-четыре года некоторые из них стали членами творческого союза.

* * *

Думается, тут к месту будут ответы прозаика на вопросы, касающиеся самого главного: смысла творческой жизни, исполнения юношеской мечты, радостей или огорчений от созданного. Множество их, таких вопросов, слышал за свою жизнь Валентин Григорьевич – на встречах, литературных семинарах, в редакциях газет, журналов, телевизионных и радиоканалов. Всех бесед на эту тему, конечно, не приведёшь. Но одну запись мы попытаемся воспроизвести. Это ответы писателя на анкету молодежного журнала «Русская сила» (2001 г., № 3), недолго издававшегося в Иркутске и потому не известного широкому читателю:

– Кем вы мечтали стать в молодости? Ваша юность ожидала того, чего Вы добились в жизни?

– Я рос в глухой деревне, где самым уважаемым человеком был учитель. Не председатель колхоза, не председатель сельсовета, а воспитатель ребят-шек. Им и хотелось стать. И, поступив в университет, я выбрал факультет, где готовились по большей части учителя. Проходил практику в школе, летом работал в пионерском лагере. Получалось. На групповой фотографии, кажет-

ся, после третьего курса одна из сокурсниц написала мне: «Ты будешь самым лучшим учителем».

Но с годами сложились другие перспективы. Попробовал стать журналистом – получилось; попробовал стать писателем – тоже, вроде, получилось. Так и ушел от первоначальной мечты.

Юность, конечно, не ожидала того, что из меня получилось. Но это не значит, что получилось лучше, больше и полезней. Ярче – пожалуй, да. Но это не самая приятная жизнь, когда человек на виду. На виду он вынужден делать много лишнего, ненужного.

– *Изменилось ли с молодых лет ваше понимание смысла жизни? В чем он, по-вашему?*

– Пожалуй, не изменилось, поскольку в юности его и не было, просто жил и всё, как живет, руководимый нравственными правилами, которые приобретены были с детства. Но позднее оно, это понимание, чётче оформилось, стало заглавным правилом.

Я представляю смысл жизни так: при наиболее полном и счастливом раскрытии себя найти то место, тот окоп на передовой, где сопротивление злу будет успешнее всего.

– *Если б снова начать, пошли бы вы по жизни тем же путём? От чего вы бы обязательно отказались?*

– Если б снова начать... но повторять жизнь всё равно было бы неинтересно. Я бы искал чего-нибудь новенького. Например, должность лесничего. Но чудится мне, что не я делал свою жизнь, с этакой напористой отвагой беря рубеж за рубежом, для этого у меня мало тщеславия и нет железной воли, а был я ведом, да так осторожно, что могло показаться, будто это я выбираю дороги.

Можно, конечно, назвать, от чего бы я отказался («если б снова начать»), исходя из теперешней своей профессии, а если исходить из новой в предлагаемой вами новой жизни, то там сначала надо шишки набить.